

Автофургон для перевозки мебели вкатился в ворота особняка, и тяжелые створки за ним начали медленно смыкаться. Во дворе стоял человек, удерживая на цепях двух немецких овчарок. Он махнул рукой, показывая водителю, куда следует ехать.

Фургон, свернув направо, прокатился метров сто по асфальтированной дороге, густо обсаженной деревьями, и уткнулся в приземистое каменное строение, которое могло быть и гаражом, и сараем.

Здесь его ждали трое мужчин, один из которых держался по-хозяйски. Он властно поднял руку ладонью вперед, давая команду водителю фургона остановиться.

Двое его подчиненных, оба крепкого телосложения, подскочили к заднему борту фургона, распахнули двери. Из кабины вышел толстяк в кожаной куртке, заговорил с человеком, который отдавал распоряжения. Тот, на голову выше толстяка, отделялся снисходительными рваными фразами, а то и просто мычал сквозь зубы.

Водитель из кабины вообще не показывался.

Тем временем парочка крепышей вытащила из фургона и перенесла в гараж четыре длинных ящика, тщательно упакованных в несколько слоев картона. После чего двери фургона были закрыты, а вся четверка переместилась в гараж.

Хотя скорее всего это был все-таки сарай. Две пары довольно широких ворот легко позволили бы заехать внутрь даже громоздкому «Хаммеру», не говоря уж о его более мелких собратьях, коих здесь могло уместиться с полдюжины. Но в том-то и дело, что машины ни одной не наблюдалось. И даже пыльного автохлама вроде старых покрышек или запчастей. Сарай был заставлен ящиками самых разных размеров, небольшими, величиной с посылку, и крупными — с холодильник. Создавалось впечатление, что здесь находится какой-то частный склад.

Те ящики, что внесли сюда только что, были положены на длинный железный стол. Оба крепыша молча стояли в сторонке, сложив руки на груди и глядя перед собой с выражением привычной готовности ко всему.

— Водитель какой-то новый, — сказал хозяин, походя к столу. — Кто таков?

— Хороший хлопец, Андрей Данилович, — приложил руку к пухлой груди толстяк, семена следом. — Я сам лично отбирал.

— Стало быть, головой за него ручаешься? — сверкнул глазами Андрей Данилович.

— Ну... — замялся толстяк под его взглядом. — Головой сейчас за маму родную не поручишься, вы же знаете. Но хлопец хороший, можете не сомневаться.

— Догадывается, что возит?

— Ни! — воскликнул толстяк. — Ни в коем разе. Откуда ж ему догадаться? Мебель — и мебель себе...

— Ладно, Гриц, — оборвал его хозяин. — С этим понятно. В следующий раз предупреждай. А то пойдешь моим волкодавам на колбасу. Понял?

— Понял, понял, Андрей Данилович, — выпучивая глаза, закивал с усердием побледневший Гриц. —

Это ж Вовка, гад, заболел, так я этого на смену взял... А так бы — ни за что, я порядки знаю!

Затем он оглянулся и почему-то шепотом спросил:

— А что, будут еще рейсы? Вы ж говорили, этот — последний.

— Будут, — успокоил его Андрей Данилович. — Видишь, сколько еще места? Надо все заставить.

— Ага, ага... — покивал Гриц. — Добренько. Надо, так надо, вам видней.

Хозяин сделал ему знак помолчать и кивнул своим помощникам. Те ловко распаковали картон на одном из ящиков и ломиками вскрыли деревянную крышку. Отложив крышку в сторону, сняли пенопластовую прокладку. Под ней блеснула гладкая поверхность. Аккуратно достали плоский длинный кейс, отщелкнули два замка, откинули крышку.

В поролоновых, точно сделанных гнездах лежали: ствол, приклад, цевьё, прицел, магазин, патроны, сошки и несколько мелких деталей. Все отливалось густым черным лаком. Зрелище было внушительным настолько, что все собравшиеся затаили дыхание. Снайперская крупнокалиберная винтовка «В-94» даже в разобранном виде внушала почтение. В собранном же она казалась совершенным оружием. И то сказать: пуля калибром 12.7 мм гарантированно поражала цель на расстоянии более чем в два километра, с легкостью пробивая армейский бронезилет.

Толстяк поцокал языком, облизнулся, как при виде чего-то вкусенького. Андрей Данилович покосился на него, но ничего не сказал. Одобрительно прищурился и сделал знак закрыть кейс.

Два его безмолвных помощника уложили кейс обратно в ящик, накрыли пенопластом, забили крышку

и принялись обертывать ящик в картон, придавая ему первоначальный вид.

Не дожидаясь конца процедуры, Андрей Данилович направился к выходу, поманив за собой Грица. Тот поспешил за ним, переваливаясь с боку на бок. Точь-в-точь мопс, бегущий за хозяином в надежде получить сладкую косточку.

— Вот твоя доля, — сказал Андрей Данилович, вручая ему пачку радужных банкнот. — Как договаривались.

— Ага, — кивнул Гриц, осторожно забирая деньги пухлыми, заметно вздрагивающими пальчиками.

Глаза его стали косить от возбуждения. Похоже, «косточка» оказалась даже большей, чем он ожидал. Наверное, будь ситуация попроще, он тут же начал бы пересчитывать купюры.

Но в присутствии строгого Андрея Даниловича не решился этого сделать и лишь тискал пачку в ладони, сунутой в карман, на ощупь пытаясь определить, какая сумма в ней заключается.

— Тут аванс за следующий рейс, — сказал Андрей Данилович, без труда угадав ход мыслей толстяка.

— Ага, — снова кивнул Гриц, отчаянно кося куда-то в угол. — Понял. А когда...

— Позвоню. Скоро.

— Ага, понял...

— Все, можешь ехать.

Андрей Данилович протянул выпрямленную дощечкой ладонь. Гриц осмелился пожать лишь кончики пальцев, с трудом отлепив руку от нагретой в кармане пачки.

Хозяин махнул рукой одному из своих помощников. Тот несуетливо, но быстро подошел.

— Проводи.

Тот кивнул, вышел вместе с Грицом из сарая.

Андрей Данилович дождался, когда загудит и удалится шум двигателя, достал из кармана мобильный.

Вернулся помощник, едва заметно кивнул и направился к столу, чтобы помочь напарнику перенести ящики к стене.

Снаружи начался дождь, сыпанул по черепице увесистым горохом. Андрей Данилович набрал номер, задумчиво шевеля губами.

— Да, в порядке, — отозвался он на вопрос невидимого собеседника. — То, что нужно. Нет, я думаю, этих должно хватить. Ищите теперь людей. Конкурс? Это мысль. Ничего, всех пристроим, так им и скажи. Пусть подождут. Да... Ладно. Теперь с Грицом. Он мне не нравится. Да. И жаден стал слишком. Да, пора. А чего тянуть? Пока он еще какую глупость не сморозит? И этих тоже... Слишком много видели. Конечно, так будет спокойнее. Да. Действуй. До связи.

Заметив, что ящики сложены и помощники ждут указаний, Андрей Данилович сделал жест «уходим» и вышел из сарая.

Стемнело. Шумели кроны деревьев, по крыше, по листьям, по плечам тарахтели капли дождя. Не обращая на них внимания, Андрей Данилович проследил, чтобы двери сарая были заперты, проверил, включена ли сигнализация, и только после этого направился по узкой дорожке к особняку, стоящему невдалеке, за грядой преклонных вязов.

Оба его телохранителя почти бесшумно шли следом. Где-то залаяла и тут же затихла собака. В нижнем этаже особняка уютно горели окна. Андрей Данилович посмотрел на них, улыбнулся и прибавил шаг.

«ЛЬВОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

«Вчера в двадцати километрах от города произошла автомобильная катастрофа. Водитель фургона «Мерседес» не справился с управлением и на полной скорости вылетел за пределы дороги, после чего машина свалилась с десятиметровой насыпи, несколько раз при этом перевернувшись. Машина загорелась, водитель и пассажир погибли.

В погибшем пассажире удалось опознать владельца мебельной фабрики Григория Маркевича.

У следствия есть несколько версий. Первая, и самая очевидная: сложная ситуация на дороге. Накануне шел дождь, покрытие было скользким, поворот, на котором случилась катастрофа, крутым. Скорее всего, водителя ослепили фары встречного автомобиля, и он не смог вписаться в поворот.

Есть и другая версия. Как сообщил нам компетентный источник, в смерти Маркевича, успешного и хорошо известного бизнесмена, были заинтересованы его конкуренты. Возможно, речь идет о заказном убийстве, инсценированном под несчастный случай...»

10 ИЮНЯ, БЛИЖНЕЕ ПОДМОСКОВЬЕ

И кто бы мог подумать, что вечер закончится именно так? Начиналось все очень мило, интеллигентно, в духе комильфо, коего так старательно начали придерживаться русские нувориши и их подобоистратные подражатели. А вылилось в скандал, в побоище, в невесть что, чего ни Роман Морозов, ни гости, ни сам хозяин никак не ожидали...

Но — по порядку. Достав приглашение на приватный показ эксклюзивного нижнего белья — это в последнее время стало очень модно, — Роман с удо-

вольствием на этот показ и явился. Тому было две причины. Первая, и самая невинная: поглазеть на хорошеньких девушек. Ну, и попутно угоститься на славу, поскольку хозяин дома, находившийся во втором десятке списка самых богатых людей России по версии журнала «Форбс», слыл отъявленным хлебо-солом.

Вторая, и главная: прощупать одного влиятельного дельца от цветной металлургии и узнать, какая участь в самое ближайшее время ждет концерн «Сибникель». Это было очередное задание Лёни, и от его выполнения напрямую зависело благосостояние Романа. Леня Пригов служил старшим дилером на фондовой бирже. Когда-то Роман оказал ему большую услугу, и в благодарность Леня стал его личным биржевым маклером. Получив от этого прямую и быструю выгоду, Роман начал сотрудничать с Леной. Он добывал для него информацию, а Леня пускал в оборот деньги Романа, успешно удваивая, а порой и утраивая их количество. Были проколы, но небольшие. В основном же Леня действовал безошибочно, и это позволяло Роману вести вполне обеспеченную даже по столичным меркам жизнь. Поэтому задания Лени были для него почти столь же приоритетны, как задания родной Конторы.

Правда, почти — и в этом «почти» крылась нелюбезная Лениному сердцу подоплека, ставившая интересы Конторы все-таки выше интересов бизнеса. Но тут уж Роман ничего с собой поделать не мог, ибо в этой жизни всегда что-то первично, а что-то, увы, вторично. А служба у него, по странной прихоти натуры, стояла на первом месте.

Но, как только изыскивалась возможность, он со всем пылом кидался выполнять поручение и рыл землю до тех пор, пока что-то не нарывал. Вот и сю-

да, на этот парад звезд, он явился с четко означенной целью и решил живым не уйти, а добыть ценную весть и доставить ее Лене, горячую и удобоваримую.

Работал он рьяно. Каких трудов, к примеру, стоило достать заветный билетик. Круг гостей был ограничен, всего-то сотенка человек, и каждый в этой сотенке что-то из себя да представлял. О, попасть на подобную вечеринку было пределом желаний многих и многих. Кудесники шоу-бизнеса, политики, артисты, акулы пера — все хотели побывать в числе избранных, посветиться в ореоле истинного богатства и могущества.

Роману пришлось надавить, используя служебное положение, на одного знаменитого адвоката, близкого друга хозяина, и тот устроил ему пригласительный билет. А что делать, если к промышленнику-«цветмету» Роман мог подобраться только на подобной вечеринке? В любое другое время тот был недоступен, как отключенный мобильник, поскольку в том же списке «Форбс» находился в четвертом десятке и на людях появлялся реже, чем первый из этого списка.

В банкетном зале путем хитрых маневров Роман умудрился сесть за соседним столиком с нужным ему олигархом.

Рассадка гостей велась по двум направлениям. Те, которые приехали группами, садились за большие, заранее приготовленные столы. Одиночки, вроде Романа, занимали места за столиками на двоих, и к ним подсаживали соседа или соседку, в зависимости от пожеланий.

Роман увильнул от уговленного ему соседства с музыкальным журналистом, известным педерастом, и сел за свободный столик, в непосредственной близости от объекта.

Правда, случился небольшой казус: к Роману, улыбаясь белоснежной металлокерамикой, подседа

стареющая теледива с одного из центральных каналов. Открытые сверх меры шея и грудь были основательно разрушены временем, хотя пластическая хирургия и липосакция позволяли бывшей обольстительнице казаться самой себе вполне неотразимой. Особенно в том приглушенном, чуть играющем освещении, что мягко наполняло зал.

Пришлось Роману исполнять роль кавалера и видеть в полуметре от себя забетонированные гримом щеки и надутые силиконом губы. Но менять позицию было поздно, поэтому он мило улыбался и время от времени чокался, отвечая слегка невпопад и ведя наблюдения за интересующим его объектом.

Елена — так звали теледиву — кивала направо и налево, как будто была хозяйкой вечера. Ценная привычка светского человека: везде чувствовать себя непринужденно и вести себя со всеми, как со старыми знакомыми. К удивлению Романа, с «объектом» она расцеловалась щека к щеке, и он долго мял ее руку, по локоть затянутую в атласную перчатку.

Елена — о, удача — представила Романа, который отрекомендовался как специалист по разрешению конфиденциальных ситуаций. После такой аттестации объект глянул на Романа внимательнее, запоминающая, и, чуть поколебавшись, попросил у него визитку. Понимал, что абы кто здесь занимать столо-место не будет, и человек, наверное, кое на что способен.

— Скажите, Рома, — можно, я буду называть вас просто Рома? — скажите, Рома, — мягко промурлыкала Елена, когда объект переместился за свой столик, — а какого рода конфиденциальными ситуациями вы занимаетесь?

Единственное, чего не коснулось время, — голос. Он звучал божественно. Если бы не видеть лица, словно носившего следы побоев, можно было отдать-

ся обладательнице такого голоса со слезами счастья на глазах. Хотя, возможно, Роман был слишком придирчив.

— Всякими, — ответил он, потягивая кампари.

— И... вы работаете как частное лицо?

— Совершенно верно. Но — в рамках закона.

— Как интересно, — подалась грудью к столу Елена, так что оба полушария, изрядно подкопченные в солярии, на две трети выдавились из корсета. — Мне всегда импонировали люди, занятые необычной профессией. Это что-то вроде Шерлока Холмса?

— Что-то вроде, — с улыбкой согласился Роман. — Только гораздо меньше романтики и гораздо больше юриспруденции. В общем, рутина.

— Я вам не верю, Роман, — покачала головой Елена. — Вы не похожи на заурядного частного детектива из романов Старка или Чейза. Хотя бы ваша одежда, ваши манеры. Наконец, то, что вы здесь...

Она сделала очаровательный жест, магнетизируя Романа неотрывным взглядом. Слава богу, появился хозяин и отвлек внимание, а то Роман почувствовал, как у него пробиваются ушки и пушистый хвостик.

В короткой речи хозяин, мучающийся от собственного богатства, поблагодарил гостей за то, что почтили его дом своим присутствием, и призвал веселиться от всей души, за что и сорвал бурные аплодисменты. Сейчас же на сцену выпрыгнули четверо новомодных мальчиков, запели, завихлялись, «заводя» зал. Между столиками засновали накрахмаленные официанты, разносили невиданные блюда, разливали драгоценные вина. Народ, выдавший виды, застал от удовольствия.

После мальчиков на сцену, дожевывая что-то на ходу, взобрался артист из бывших кавээнщиков,

объявил, что начинается показ нижнего белья из модельного дома такого-то. Вышел и такой-то, наголо обритый, развинченный, одетый в платки и бусы, напустил цветистой терминологии, хлопнул бокал вина за здоровье хозяина.

Его весело поддержали, требуя начала показа. Такой-то убежал, махая руками, чтобы начинали.

Показ велся по-домашнему, то есть модели ходили не по подиуму, которого и не было, а прямо среди гостей. Специальные осветительные приборы высвечивали дорожки, как бы отделяя зрителей и давая пикантный оптический эффект. Роман вдруг увидел, что на него идет дивной красоты девушка. Бедро, талия, грудь, точеные скулы, свободно рассыпанные по плечам черные волосы. И на всем этом — две сиреневые кружевные полоски, почти ничего не прикрывающие.

Брюнетка сверкнула гладким, как кегля, бедром, резко меняя направление, обдала запахом горьковатых духов. Роман уткнулся глазами ей в гибкую спину, вытянул машинально бокал вина. Внизу живота прошла горячая волна, и он понял, что надо либо напиться в дым, либо спастись бегством.

Следом за брюнеткой, открывавшей дефиле, вереницей потекли остальные. Блондинки, рыжие, стриженные под мальчика, русалки, худенькие, пышные, — но все без исключения красавицы. Была и «фишка»: среди бледных европейек эбеновыми статуэтками выступали негритянки, сверкая белками глаз, томно плыли смуглые азиатки, улыбаясь порочными ртами.

Роман, забыв о еде и питье, смотрел во все глаза на великолепные тела, искусно прикрытые узкими полосками шелка, гипюра или кожи. Девушки пружинисто шагали на высоченных каблуках, многие

были топless, перед гостями прыгали их обнаженные животы, груди, филейные части...

— Лобки и колобки, — проворчала Елена, пуская дым со всем возможным презрением.

Ее не слишком светское замечание отрезвило Романа и вернуло к действительности.

Он покосился на «своего» олигарха. Тот смотрел на прекрасных дев снисходительно, вино потягивал едва-едва. Сразу видно, пресытился человек. И скучает. Ну, ясно. Даром тратит время. Небось думает о том, где можно сорвать еще миллиард-другой. Увидев, что Роман смотрит на него, кивнул. Ага, запомнил. Ну, конечно, у таких людей всегда есть проблемы конфиденциального свойства. Нет, не проблемы, это слишком, а небольшие неприятности. (А у кого их нет? Богатые тоже плачут.) Стало быть, можно рассчитывать на то, что позвонит. Или, как человек деловой, захочет поговорить прямо здесь. Вот еще раз посмотрел, дольше. Точно чего-то хочет. Только бы не того, чего не надо. Этих сытых мужичков иногда от избытка жиров и денег тянет на всякие непотребства. Но нет, не похож. Две блондинки с ним явно не для прикрытия, он их поглаживал хоть и лениво, но вполне по-мужски. Значит, будет какое-то предложение. Отлично. Только бы краем зацепиться, а там пойдет. Спасибо Елене... как ее по бабочке? Да просто Елене, очень удачно она под села.

Тем временем в зал выпустили колонну моделей-парней в умопомрачительных плавках. И парни были широко представлены в международном ассортименте. Женщины и полумужской контингент сразу оживились, ощупывая глазами рельефные торсы и поджарые ягодицы. Роман с интересом покосился на Елену. Та примолкла, покусывая нижнюю губу. Глаза ее были направлены куда-то ниже уровня по-

яниц проходящих по дорожке атлетов. Но лицо было грустным и больным, как у состарившейся Мальвины.

Роману стало ее жаль. Конечно, она без труда может купить на ночь любого из этих самцов. И делала это, наверное, не один раз. И все же женское сердце жаждет в первую очередь любви, а не только набитых тугими гениталиями плавок. А какая любовь в ее возрасте? Мезальянс с молодым расчетливым негодяем? Пара-тройка лет мучительного счастья, скандальный процесс развода и тягостные походы по психологам и косметическим клиникам. Она слишком умна, чтобы не понимать всех удовольствий подобной связи...

Елена перевела туманный взгляд на Романа, глубоко вздохнула. Он смутился, поднял бокал, предложив выпить за нее.

— Вы вправду этого хотите, Роман? — спросила она.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Мне кажется, я вам совершенно не интересна. Все эти девочки, несмотря на свои пустые головки, намного занимательнее для вас, чем я...

Роман чертыхнулся про себя. Рано он расслабился. Бывалая кокетка, подвыпив крепкого лафита, решительно пошла в наступление, грамотно используя данную им слабинку.

— Ну что вы, Елена, — пришлось сказать ему. — Вы очень интересная женщина.

— Вы находите? — медленно протянула она, обволакивая Романа своим неземным тембром.

— Клянусь.

— О! Вы возвращаете меня к жизни, милый Рома.

Она со значением чокнулась о бокал Романа и выпила до дна, не отрывая от него слегка запавших

глаз. Содрогнувшись от «милого Ромы», выпил и Роман.

Модели исчезли, на сцене снова задержались поп-мальчишки. Порядком отяжелевший кавээнщик объявил, что скоро будет «второй выход», и под жидкие хлопки вернулся к своему столику доедать и допивать.

Официанты бесшумно меняли блюда, наливали вина, еще более изысканные, чем были до того. Некоторые гости двинулись танцевать, другие — углубились в разговоры.

— А давайте выпьем на брудершафт, — предложила Елена.

Ну, выпили, поцеловались в губы. Роман постарался отнестись к этому, как к медицинской процедуре. Вроде клизмы. Противоестественно, но надо.

А энергичная Елена уже довольно настойчиво приглашала его в гости, мотивируя это тем, что вот недавно завершила грандиозный ремонт и очень хотела бы, чтобы Роман, человек с несомненным вкусом, ознакомился с ним как можно быстрее. В том смысле, что прямо сегодня ночью.

Роман пока мычал что-то невразумительное, налегая на вино и старательно подпаивая пожилую сирену в надежде на то, что она, захмелев, умерит любовный пыл или, по крайней мере, переключит его на кого-нибудь другого. Но Елена не пьянела и первоначальных притязаний не оставляла. С характером был человек. И со стажем, этого не отнять.

Зато Роман опьянел довольно сильно и уже местами забывал, для чего он, собственно, сюда явился. Так можно и пропасть ни за грош, думал он, закуривая, то есть позволить затащить себя на квартиру, где уже не отопрешься и должен будешь соответствовать. А может, и не сопротивляться? Полезные знакомст-

ва, доступ к высшим сферам... Уже и вздутые губы Елены не казались ему такими безобразными, но в это время началось второе отделение, он увидел черные локоны, прямые плечи, изгиб крутого бедра — и это отрезвило его и спасло от позорного плена.

Брюнетка, на которой из одежды были только бо-соножки и кружевная тесемка, прожгла Романа взглядом, чуть задержавшись возле него и ясно давая понять, что заинтересована им.

Он расплылся в улыбке, оглаживая струящееся тело глазами. Другие девушки были не хуже, но почему-то именно эта вызывала в нем мгновенную дрожь внизу живота, сладить с которой, он знал, было делом абсолютно безнадежным.

Он проследил за ней до самого ее исчезновения в дверях. Наверное, пошла переодеваться. Хотя... что там переодевать? Одну полоску ткани заменить на другую? А может, и полоски никакой не будет?

Роман почувствовал, как от этих мыслей его начинает распирать вполне определенно. Во избежание конфуза, он задвинул нижнюю часть туловища поглубже под стол, налил себе вина... Уловив тяжелый взгляд соседки, спохватился, предложил вина ей. Елена выразила согласие медленным кивком, но хранила зловещее молчание. Она прекрасно все поняла.

«Слетаю за кулисы, — думал Роман, вытягивая бокал до дна, — возьму номер телефона — и обратно».

Он покосился на «цветмета». Тот сидел прочно, уходить не торопился. Увидев, что Роман смотрит на него, махнул рукой, приглашая за свой стол.

Отлично.

Роман сделал знак, скоро, мол, буду, извинился перед Еленой и направился к выходу. Уход был оправдан естественными потребностями организма.

Всего заботы — сбегать туда-сюда. Объект подождет, раз позвал, он видел, что Роман направляется в туалет. А брюнетка может сорваться, особенно если беседа с «цветметом» затянется.

Понимая, что ведет себя неразумно, что не надо идти на поводу у мимолетной прихоти, а следует немедленно заняться обработкой клиента, Роман тем не менее тупо двигался в намеченном направлении. В глазах стояло играющее тело, желание накрывало душевной волной. Опять же, лошадиная доза спиртного...

Он свернул в один из коридоров, двинулся куда-то в глубь дома. Хотя... какого там дома. Это был дворец почище царского, разве что фамильных вензелей не хватало.

Ориентируясь на неясные звуки, Роман миновал один коридор, потыкавшись по переходам, свернул, как ему показалось, куда надо и легким крадущимся шагом двинулся вперед, втягивая воздух разъятыми ноздрями. В воздухе отчетливо пахло пудрой и духами — женщиной. Черт ли ему в «цветмете», если где-то рядом находилась **она**? Да, нерационально и глупо, да, из-за потакания своим слабостям он до сих пор сидел в капитанах и был под вечной угрозой увольнения у Лени... Но — жизнь всего одна, и еще никто не придумал единственно верного рецепта ее проживания.

«Я все успею, — твердил себе Роман, — это дело одной минуты...»

Он увидел, как из двери впереди выпорхнули две девушки, наряженные в кисейные коконы, сквозь которые просвечивались все их прелести, убежали к выходу в зал.

Выскочил бритоголовый модельер, прокричал им вслед торопливые указания, скрылся в дверях.

Роман замедлил шаг, оглянулся. Охраны здесь не было, все гости досматривались еще у парадного, там и дежурили охранники. Так что помехи практически никакой не предвиделось.

Он не дошел до заветной двери десяти шагов, когда из нее вышла брюнетка.

Увидев Романа, она сперва замерла, затем как бы нерешительно двинулась к нему. При виде ее, такой близкой, доступной, голой — не считая пояса из меховых полосок на манер папуасов и горжетки на плечах, — у него случилось какое-то мозговое затемнение. Он даже не понял, как она оказалась возле него и как ее рука оказалась в его руке. Все задвигалось и завертелось, точно во сне.

Вслепую Роман толкнул одну из дверей, втянул девушку за собой, нащупал в темноте что-то похожее на стол. Они не обменялись ни единым словом, сразу начали целоваться, инстинктивно отыскивая наилучшую позу для соития. Все шло молча, на ощупь, торопливо: прерывистое дыхание, горячая кожа, жадные губы, скользящие полоски меха...

Роман, не чувствуя веса, подсадил ее на стол. Она растянула ему ремень, молнию, обхватила ласкающими руками спину под рубашкой, с тихим стоном пустила его в себя.

«Одну минуту, — ворочалась в голове Романа далекая мысль, — только одну минуту...»

Он не знал, сколько длилась эта минута, время перестало существовать, был лишь волшебный ритм, постанывания, сладковатый вкус губ и судорожное обмирание во всем теле...

Щелкнул выключатель, яркий свет залил помещение.

— Сука! — сказал кто-то отчетливо и злобно.

Брюнетка ойкнула, рывком сдвинула ноги, соскользнула со стола, прячась за спину Романа.

Натягивая брюки, он оглянулся, уже понимая, что ничего хорошего ни сказанное слово, ни поведение брюнетки ему не сулят.

В дверях, упираясь рукой в косяк, стоял невзрачный человек в очень дорогом костюме. Алмазная закладка для галстука, массивные платиновые часы. Все ясно, из этих. Новых хозяев жизни. Судя по тяжелой надбровной складке и волчьему прищурю, на пути к богатству сей господин провел не один год в тюремных стенах. За ним высились два здоровенных лба в нелепых смокингах. Вывод: договориться «по легкому» не получится.

Впрочем, Роман пока мало занимал вошедшего. Можно сказать, он его вообще не замечал, приковав все свое внимание к брюнетке, которая — Роман это чувствовал спиной — была напугана до смерти.

— Вы бы постучались, — сказал Роман, застегивая ширинку. — А то некрасиво получилось.

— Заткнись, — процедил невежливый гость.

— Ты его знаешь? — через плечо спросил Роман свою подружку.

Она выступила из-за него, жалко улыбаясь и кутаясь в горжетку.

— Жора, не надо...

— Заткнись, сучка, — дергая веком, прохрипел Жора.

Роману стало скучно. Ну почему они такие одинаковые? Вломились на самом интересном, грубят, сейчас угрожать начнут. На улице — двадцать первый век, а у них все те же косные нравы хитровских трущоб девятнадцатого столетия. А идеал вождя — горбатый Карп за столом, ломящимся от жратвы. Нет, далеко еще нам до европейского лоска, сколько

денег во все аксессуары красивой жизни ни вбухивай.

— Знаете, уважаемый, это я во всем виноват, — сказал Роман решительно. — Девушка ни при чем. Давайте разберемся без нее.

Язык слушался плохо, руки путались в ремне, что снижало шансы на какое-то подобие победы, дойди дело до рукопашной. А дойти оно могло вот-вот, нависшие за Жорой костоломы смотрели сочувственно, что было, несомненно, дурным признаком.

— Тебя, гаденыш, никто не спрашивал, — мрачно изрек Жора, достаивая Романа взглядом.

Роман почувствовал раздражение. Первое: упустит клиента. Второе: свалилась проблема. Третье: до чего же он не любил этих типов. Даже хмель слетел.

— Ну так спроси — и дело с концом. А то стоишь, сопли жуешь, двери подпираешь. Не шлагбаум.

В глазах Жоры вспыхнуло изумление. Он даже утратил интерес к брюнетке — чего и добивался Роман.

— Ты че, баклан, в натуре, оборзел? — заговорил он на чистом родном языке.

Роман взял брюнетку за руку, шагнул вперед:

— Можно пройти?

Что-то в его поведении насторожило Жору. Человек опытный, он догадался, что здесь кроется какой-то подвох. Какой, вот чего он не мог понять. Мужичок был тощий, по роже — из интеллигенции, одет, как это нынче говорят, гламурненько, оружия нет. Откуда же борзость? Упился до чертиков и ничего не соображает? Но взгляд нехороший, опасный взгляд.

Жора медлил. Ронять свой авторитет он не мог, это, по сути, было главное его достояние. Но и по-

пасть впросак не хотелось. Поспешное решение могло обойтись еще дороже.

Ситуацию разрешило пустое: Роман, все же порядком охмелевший, слегка качнулся на ходу.

Ну, так есть, понял Жора, нарезался, идиот. А раз так...

— Дайте ему, — сказал он, отнимая от косяка руку. — Только тихо. Кости не ломать, но ливер опустить.

В дверь по одному шагнули лбы, встали плечом к плечу, заслонив проход.

— Не надо, Жора, — сказала жмущаяся к Роману брюнетка, о которой, как это водится в таких делах, все забыли. — Не трогай его, это я во всем виновата.

— Ты лучше помолчи, — отечески посоветовал Жора, — с тобой базар отдельный. Чего встали?!

Первый молодец лениво протянул руку, намереваясь ухватить зарвавшегося лоха за лацкан пиджака.

Роман эту толстенную руку перехватил, завернул до хруста и толкнул вздрогнувшую от боли тушу на второго молодца.

Толчок вышел преотличный: ошеломленные противники сбились в кучу, освободив на короткое время проход. Роман подхватил брюнетку и кинулся к двери, пока не завязался настоящий бой. Будь он трезвее, это его не смутило бы. Но в том-то и дело, что в нынешнем состоянии к бою он был мало способен, а потому следовало ретироваться как можно быстрее.

Жора вжался в косяк — ввевшееся в нутро чувство опасности безошибочно подсказало ему, что на пути у этого фрукта ему лучше не становиться.

Роман выскочил в коридор, увидел невдалеке еще одного громилу и бросился в ту сторону, куда уходили модели в коконах. Брюнетка мчалась за ним, ни на шаг не отставая, несмотря на трехвершковы каблук-

ки. Билась по ветру горжетка, разлетались пушистые кисточки на поясе.

— Взять их, ослы! — заревел Жора.

Коридор вздрогнул от тяжелого топота. Роман, глянув назад, увидел шарами катящиеся смокинги. Худо дело, эти будут гнать до последнего.

Увидев широкую дверь, Роман бросился туда, резко меняя направление. Каблуки понесли брюнетку мимо, Роман дернул ее за руку, она взвизгнула и едва не упала.

Момент был критический. Смокинги были в десяти шагах. Роман закусил губу, рванул девушку на себя, поставил на ноги и потащил дальше.

Они с грохотом вывалились в банкетный зал. За шумом музыки на них поначалу не обратили внимания.

Роман было притормозил, но тут же увидел, что сзади налетает один из лбов и тянет руку с намерением ухватить его спутницу за волосы.

За ним попевали остальные.

Роман опрокинул ближайший к нему столик под ноги лбу и повлек брюнетку через зал к выходу.

Второй преследователь, перепрыгнув стол и упавшего коллегу, устремился к ним. Роман схватил на бегу бутылку с чьего-то стола, наотмашь ударил по коротко стриженной голове. По голове впопыхах не попал, но по локтю достал больно, стриженный рявкнул и отстал.

Народ уже что-то прочухал и начал разбегаться от невесты откуда взявшейся оравы. Роман, сворачивая столы, пробивался к выходу. Брюнетка, взвизгивая, остервенело швырялась тарелками. Дамы подняли крик, разбегаясь от летящих салатов. Роман как в замедленной съемке увидел изумленное лицо

Елены, она медленно проливала вино из бокала на скатерть...

Тут его кто-то цапнул за плечо. Он поворотился, едва успев увернуться от зверского удара в лицо, захватил нападавшему в пах, рванулся дальше. Брюнетка каким-то чудом держалась возле него. Горжетка была утеряна, ее груди беспомощно трепыхались в пространстве.

Роман схватил большое серебряное блюдо, с разворота метнул одному из преследователей в ноги. Тот рухнул на скользкий пол, сбивая столы и стулья. Гости в панике метались по залу, женщины с упоением визжали. Одного из смокингов окружили пьяные дядьки и дружно пинали ногами. В общем, бардак стоял жуткий.

Подхватив изнемогающую брюнетку за талию, Роман кинулся к дверям. Задерживаться на вечеринке не имело смысла. Разговора с олигархом не получится, а Жора мог вызвать подмогу и дать команду «огонь».

Гости толпой ломились в двери. Навстречу им лезли охранники, пытаясь понять, что происходит. Роман с разгона вклинился в толпу, вывалился наружу вместе со своей подельщицей и побежал на улицу.

Кто-то садился в машину и уезжал, кто-то задерживался, надеясь разобраться в происходящем.

Не теряя времени, Роман отыскал свою машину, усадил разлохмаченную, но прекрасную брюнетку в салон, накинув на нее пиджак, и резво тронулся вперед, стремясь вырваться за пределы усадьбы до того, как начнут искать истинного виновника разгрома.

Ворота были открыты, гостей выпускали беспрепятственно. Привратники лишь внимательно оглядывали пассажиров. Пиджак скрыл наготу брюнетки, Роман проехал, не вызвав подозрений.

Уже на шоссе, когда им ничего не угрожало — Жора, как ни странно, не пустился в погоню, — оба начали смеяться, поглядывая друг на друга.

— Ты в кого тарелками-то бросалась? — спросил Роман.

— А... Во всех подряд, — беспечно отмахнулась брюнетка. — Терпеть не могу этих буржуев.

Уверенно расставив длиннющие ноги и сдвинув назад пиджак, так, что едва не вся грудь выбралась наружу, она чувствовала себя вполне комфортно.

Романа начали терзать смутные сомнения.

— Может, познакомимся? — покосился он на соседку, которая без спроса вытащила из кармана его пиджака сигареты и закурила.

— Лена, — свободно ответила та.

— Очень приятно. Роман.

— Слушай, Рома, давай заскочим ко мне, а? Я переоденусь по-быстрому, захвачу кое-что из вещей, а потом поедем к тебе.

Роман помолчал, соображая. Хмель уходил неохотно, но все-таки уходил. Веселое приключение переставало казаться таким уж веселым и смахивало скорее на катастрофу, чем на триумф.

— А может, ты останешься дома? — осторожно спросил он.

— Ты что! — возмутилась Лена. — Он же меня убьет!

С этим спорить было трудно. Жора, конечно, убить не убьет, но поизмывается всласть. Не исключено и рукоприкладство. И хоть девица к экстриму привычная, допустить, чтобы ее избивали после того, что между ними было, Роман не мог. Не то воспитание.

— Хорошо, — сказал он, — сделаем так, как ты говоришь.

Лена кивнула, ничуть не сомневаясь в ответе. Роман покосился на ее горделивый профиль, на голое, далеко выставленное бедро, и, как давеча, почувствовал жар внизу живота. Дает же господь такие дивные тела таким упрощенным созданиям.

Несколько раз он проверял, нет ли «хвоста». Но позади было чисто. Впрочем, Жора мог распорядиться насчет засады у дома беглянки.

— Кто этот Жора? — спросил Роман.

— Банкир, — односложно ответила Лена, лихо стряхивая пепел в окно.

— А-а, — кивнул Роман.

Кто бы сомневался. Они все сейчас — банкиры.

— Давно с ним знакома?

— Месяца два. Он увел меня от одного художника. Лыкин, может, слышал?

Роман утвердительно качнул головой.

— Плохой художник, — объявила Лена. — Все какая-то детская мазня. Он мне объяснял про какой-то кубизм, супроростизм...

— Супрематизм.

— Во-во, точно. Но я ничегошеньки не поняла. Он меня нарисовал — кружочки, черточки... Ну, дичь! То ли дело у нас в Самаре. Река, поле, кони — все как живые. Это я понимаю — картины. А этот все какие-то какие-маляки мазюкает, смотреть смешно. Но деньги хорошие получает, на Западе его ценят. Я думала, может, мне заняться, че я, не смогу так? Но тут меня Жора сманил, не до искусства стало. Если б знала, какой он гад, ни за что бы к нему не ушла...

— Чем Жора не угодил?

— Псих. Чуть что не так, давай орать, одежду рвать, как будто я ему какая-то... Денег не жалеет, ничего не скажу, но держит, как на цепи. Ты сам видел. Только засек, что меня в зале нету, сразу побе-

жал искать. На фига мне такая радость? Я свободно жить люблю. А ты мне сразу понравился. Видно, что прикольный. С таким не соскучишься. И в сексе толк знаешь, не то что этот мухомор... У него если когда и бывало, то на пару минут. Отбили все на зоне, ничего не держится. Еще и от этого бесился. А чего беситься? Не можешь — не бери. И другим не мешай... Короче, надоел он мне до жути.

— И ты решила найти другого?

— Ага, — кивнула Лена. — Теперь я от тебя не отстану. Вон, вон мой дом! Здесь поворот направо... Вот, этот подъезд. Подожди пять минут, я сейчас выйду.

— Проводить?

— Да не надо, я сама дорогу знаю.

Лена выскочила из машины и исчезла в подъезде, унеся пиджак Романа вместе с сигаретами и суммой рублей в тысячу десять. Деньги — ладно, но торчать без курева в машине среди ночи было тоскливо. Хорошо, если вернется. А если нет?

На всякий случай Роман развернулся и встал так, чтобы рвануть со двора, как только появятся архаровцы Жоры. Что Жора без последствий сей инцидент не оставит, Роман не сомневался. Оскорбление было слишком большим, особенно для подобного типа. Как же, увели «телку» из-под носа, да еще и на виду у всех. Как такое стерпеть? Никак невозможно. А потому — месть до седьмого колена.

Ну, мести Роман не боялся, благо никаких таких колен у него в помине не было. Но неприятности в виде сожженной машины или отморозка в подворотне, вооруженного ножом, могли последовать.

Разумнее всего было бы дать по газам и тихонько укатить домой. Пиджак и деньги — небольшая жертва за возможность продолжать тихую холостяцкую